

Двери зала распахнулись. Телохранитель Юнь коротко кивнул евнуху Чэню и стремительно вышел прочь.

Евнух Чэнь вошёл в покои. Дворцовые слуги всё ещё оставались снаружи, поэтому он, почтительно склонившись, подошёл к Чу Юю. — Ваше Высочество, шестой принц вряд ли замышляет что-то доброе. Вы действительно намерены пойти?

Наследный принц закрыл книгу и поднялся с тахты. Ступив на пол, он лишь легко усмехнулся: — Пойду. Раз уж шестой брат приглашает, как я могу отказать?

Он помедлил мгновение и добавил: — Подготовь подарок.

В отличие от других принцев, которые по достижении пятнадцати-шестнадцати лет получали титулы ванов и покидали дворец, шестой принц Чу Суй оставался подле отца. Это было знаком исключительной императорской милости. Чиновники не раз подавали прошения, заявляя, что подобное положение дел не соответствует этикету: мол, принц уже взрослый, и оставаться в покоях Драгоценной наложницы ему не пристало. В ответ на это владыка династии Лун, привыкший к самовластию, велел возвести для сына отдельный дворец. Его назвали Чанцин, и располагался он прямо напротив Восточного дворца. Слуги втайне даже прозвали его «Западным дворцом», проводя дерзкую параллель с покоями наследника.

В сопровождении евнуха Чэня Чу Юй прибыл к воротам дворца Чанцин. — Его Высочество наследный принц прибыл! — зычно провозгласил глашатай.

Услышав это, обитатели дворца переглянулись. Едва серебристо-белый подол мелькнул на пороге, все присутствующие пали ниц. — Приветствуем Его Высочество наследного принца!

Чу Суй, сидевший в резном кресле из красного дерева, на мгновение утратил свою беззаботную улыбку, но тут же вновь нацепил её на лицо. Он отставил клетку и радушно поспешил навстречу брату: — Брат мой, я ждал тебя так долго! Уж грешным делом подумал, что ты не придешь.

Он говорил о долгом ожидании, хотя по разбросанным вещам было ясно — принц вовсе развлекался уже не один час.

Чу Юй вежливо улыбнулся: — Раз шестой брат так настойчиво звал, разве мог я не явиться?

Он чуть повернул голову к своему слуге: — Чэнь Дэшунь, поднеси мой дар.

Евнух Чэнь, не поднимая глаз, протянул шкатулку шестому принцу. — Брат мой, зачем же подарки? Мы ведь одна семья, к чему эти церемонии? — Чу Суй картинно всплеснул руками. —

Но раз такова воля наследного принца, я не смею отказывать. Цинъань, прими.

Маленький евнух по имени Цинъань быстро подбежал, забрал шкатулку и попятился назад.

Линь тогда Чу Юй обратился к остальным, всё ещё стоящим на коленях: — Поднимитесь. Во дворце шестого брата излишние церемонии ни к чему.

— Благодарим Ваше Высочество! — хором ответили слуги.

В зале собрались в основном сверстники шестого принца. Если Чу Юй с малых лет получал строгое образование в зале Вэньхуа как будущий правитель, то Чу Суй учился в Императорской академии Гоцзыцзянь. Там он свёл дружбу со многими сыновьями знатных сановников. Чу Юй же всегда держался особняком: при нём состояли лишь двое соучеников, одного из которых позже заменил Ван Чии. По-настоящему близким другом наследника был только Янь Хуай. Проведя жизнь в стенах дворца, Его Высочество почти не знал столичную золотую молодёжь.

На мгновение в зале воцарилась неловкая тишина. Чу Суй поспешил её нарушить: — Брат мой, взгляни-ка, каких птиц даровал мне отец!

Он отступил, открывая вид на два длинных ряда развешанных клеток. Каждая была настоящим произведением искусства, а птицы внутри поражали разнообразием. Одни походили на маленьких фениксов, другие щеголяли изумрудным оперением — от этого великолепия рябило в глазах.

Младший принц, в чьём лице угадывались черты его матери-красавицы, сложил руки на груди. Как ни старался он казаться скромным, в его взоре читалось неприкрытое торжество. — Отец велел собрать их по всей стране и привезти в столицу специально для меня. Взгляни, брат мой, если какая приглянется — я с радостью подарю тебе парочку.

Чу Юй медленно переводил взгляд с одной клетки на другую. Его бледные, словно выточенные из нефрита пальцы скользили мимо прутьев, будто смахивая невидимую пыль. Сквозь зазоры между клетками мелькали яркие перья, отражаясь в его янтарных глазах причудливыми тенями.

— Чудесные птицы, шестой брат, — негромко произнёс Чу Юй, обернувшись.

— Так есть ли та, что тебе по сердцу? — Суй подошёл ближе. — Хоть они мне и дороги, для наследного принца я ничего не пожалею.

Взор Чу Юя вновь обратился к пленницам: — Благородный муж не отнимает у другого то, что тот любит. К тому же я — старший брат, и мне ли не знать законов уступчивости?

Он легко вздохнул: — Этих птиц везли со всех концов империи, чтобы запереть в золотых клетках. На вид — блеск и величие, но долго ли они протянут в неволе? Если они окажутся в моём Восточном дворце, я, занятый учением, вряд ли смогу уделить им должное внимание. Птицы погибнут, оставив лишь печаль. Пусть лучше остаются у тебя — под твоей нежной опекой они, без сомнения, проживут куда дольше.

Улыбка мгновенно сползла с лица Чу Суя. Он замер, его взгляд стал холодным и колючим, а в глубине зрачков вспыхнуло яростное пламя.

Прошла всего одна ночь, и из дворца Чанцин пришла весть. Все те диковинные птицы, которыми ещё вчера хвалился шестой принц, внезапно пали. Сказали — не выдержали столичного воздуха и перемены климата.

Глядя на безжизненные комочки перьев в клетках, Чу Суй до белых костяшек сжал кулаки. Слуги, отвечавшие за уход за птицами, дрожали на коленях, моля о пощаде. Подле принца стояла самая обожаемая женщина в империи — Драгоценная наложница Ань. Она тихо вздохнула, и в её нежном голосе зазвучала притворная жалость: — Ах, какая досада. Раз они мертвы, велите вынести их прочь из дворца.

— Матушка...

— Я знаю, что ты опечален, Суй-эр. — Ань Янь в свои тридцать три года выглядела так свежо, что её легко можно было принять за юную наложницу, только вчера вошедшую во дворец. Рядом с сыном она казалась скорее сестрой. — Эти забавы лишь ранят сердце. Тебе стоит больше внимания уделять наукам. Ты во всём хорош, сын мой, вот только в учении нерадив. Если в будущем ты займёшь место своего отца, как же ты станешь править целой империей?

Столь дерзкие речи в адрес законного наследника лились из её уст легко и непринужденно. Её кроткая улыбка даже не дрогнула. Купаясь в безграничной любви императора, она давно перестала принимать Чу Юя в расчет.

Суй всё ещё не сводил глаз с пустых клеток. Внезапно он стиснул зубы, и в его взоре вспыхнула жгучая ненависть: — Это всё Чу Юй! Это он!..

Он был уверен: не явись Чу Юй вчера со своими предсказаниями, птицы были бы живы.

Тем временем в Восточном дворце наследный принц, закончив дневные труды, играл в шахматы с Янь Хуаем. Услышав новость от слуги, он даже не поднял бровей.

Янь Хуай же нахмурился: — Даже если птицы не привыкли к климату, не могли же они сдохнуть все разом за одну ночь. Чья это работа?

Он с сомнением взглянул на собеседника: — Ваше Высочество?..

Чу Юй поднял взгляд: — Если бы мои люди имели власть творить подобные чудеса в покоях шестого брата, я бы сейчас не заботился лишь о том, как сохранить хрупкий мир в Восточном дворце.

Принц чуть прищурился: — Неужели в глазах наследника Яня я тот человек, который станет вымещать обиду на бессловесных птицах?

Янь Хуай тут же осознал свою оплошность и поспешно склонился в извинении. Он знал натуру наследника, но предположил, что птицы могли стать инструментом в какой-то интриге, и Чу Юй решил устранить угрозу.

— Поднимись, я не сержусь на тебя, — спокойно произнёс Юй.

— Благодарю, Ваше Высочество.

Наследник Янь вернулся на стул, и его мысли закрутились вихрем. Раз это не принц, то кто? Неужели Чу Суй сам разыграл этот спектакль? Но зачем?

Так и не найдя ответа, он сдался и вернулся к игре. Проиграв две партии подряд, он совсем приуныл. Чу Юй, видя это, велел евнуху Чэню убрать доску и сменил тему: — Говорят, маркиз Чжуннань хочет, чтобы в восьмой луне ты участвовал в провинциальных экзаменах?

При этих словах Янь Хуай, до этого погружённый в раздумья, скорчил страдальческую мину: — Ну какой из меня ученый? А отец твердит своё: «Пока не попробуешь — не узнаешь». Да если я пойду туда, то только опозорюсь на всю страну! — Он с детства бредил воинским искусством, а от одного вида классических трактатов у него начинала болеть голова.

— Я ведь не чета второму молодому господину Шэню. Слышал, он тоже готовится к экзаменам в этом году. Если он пойдет, звание чжуаньюаня точно достанется ему.

— Восьмая луна — провинциальный отбор... — вполголоса повторил Чу Юй. — Затем в следующем году, во вторую луну — столичные испытания. И в четвёртую — дворцовые.

Принц повернул голову к окну, созерцая алый закат. — Снова в ряды чиновников вольётся свежая кровь, — пробормотал он.

Кровавый отсвет заходящего солнца отразился в его зрачках, словно предзнаменование великих перемен.

***

За окном весело щебетали иволги. Цзи Линьси, сладко зевнув, поднялся с постели и

отправился умываться. По дороге он по привычке повторял про себя классические строки и стихи, заученные накануне. Шёл третий месяц, но утренний ветерок всё ещё неприятно холодил кожу.

У колодца за домом он привычно завертел ворот, опуская ведро в глубину. Вскоре послышался плеск, и юноша круг за кругом вытянул воду наверх.

Холодная вода смыла остатки сна. Линьси наспех причесался, задвинул ведро под кровать и, подхватив книги, первым отправился в класс.

С тех пор как он блестяще сдал уездный экзамен, отношение к нему в академии переменялось. Раньше соученики и вовсе не принимали его в расчет, теперь же в их взглядах читались изумление и опаска.

Всех поразило, как человек, закончивший полугодие с позорным третьим разрядом, сумел пройти через сито уездного отбора. В Юнчэне — густонаселенном крае — претендентов было не счесть, а заветных мест — едва ли сотня. А ведь впереди ещё более жестокая стрижка на академических и провинциальных экзаменах. К концу провинциального отбора из целой префектуры обычно оставалось не более тридцати счастливчиков, допущенных к столичным испытаниям.

Невероятный взлёт Линьси заставил многих задуматься: а ну как этот выскочка и впрямь дойдет до столицы? Учитывая, как мало мест выделялось на провинцию, Цзи Линьси в одночасье превратился для них в опасного соперника.

Учителя, прежде не чаявшие в нём проку, теперь с завистью поглядывали на Хуай Сююна. Надо же, этот старый лис всегда воротил нос от учеников, а Линьси взял — видать, разглядел скрытый талант. Теперь они кусали локти, что упустили такой шанс, хотя он был у каждого.

Впрочем, открыто враждовать с юношей никто не решался. Напротив, наставники стали уделять ему куда больше внимания. Если он действительно станет цзюйжэнем, слава об их академии прогремит на всю страну.

Дни летели за днями, а в кошельке Линьси становилось всё просторнее. К пятой луне он с ужасом обнаружил, что от его богатства осталось всего триста лянов.

Кто бы мог подумать, что путь к знаниям так дорог! Одна только бумага и тушь за полгода съели несколько сотен серебром. Молодой человек, конечно, и мысли не допускал, что тратит слишком много на бумагу. Другие ученики не изводили и трети того запаса, что тратил он.

Часть бумаги уходила на каллиграфию, часть — на выписки из трактатов, на расчёты и личные заметки. Но львиную долю он тратил на свои тайные рукописи — фривольные повести, где главную роль играл прекрасный принц. Стопка исписанных листов с «весенними приключениями» уже сравнялась высотой с кипой экзаменационных работ.

К этому прибавились расходы на еду и сладости, а также подарки госпоже Ци и госпоже Хуай по праздникам.

Юноша в сердцах ударил кулаком по столбу.

«Пропади оно всё! — с досадой подумал он. — Денег, кажется, совсем не удалось сэкономить»

Если так пойдет и дальше, он разорится ещё до провинциальных экзаменов. А ведь впереди летние каникулы, и к концу восьмой луны нужно будет внести плату за обучение, да ещё и налоги. Подумать только: ученые мужи не пахнут землю, а налоги платить обязаны!

Линьси глубоко вздохнул и принялся лихорадочно соображать, где добыть денег.

Прежние замашки — обман и воровство — теперь не годились. Он больше не был бродячим плутом. Если его, ученика академии, поймают на краже, его навсегда лишат права участвовать в экзаменах.

Мимо проходили ученики, громко жалуясь на судьбу: — Да за что нам эти муки? Наставники совсем обезумели: задают столько, что рука отнимается! Вроде по чуть-чуть от каждого, а в итоге — головы не поднять. Жить не хочется, а не писать — нельзя.

— О небо! Да если бы я проснулся, а все работы сами собой написались, я бы жизнь отдал!

Линьси наострил уши. Его глаза хитро блеснули, и в голове мгновенно созрел план.

«Не хотите писать — несите деньги, я всё сделаю за вас»

Стыд был ему неведом. То, что другие называли «честью» и «лицом», для него не стоило и ломаного гроша. Он выбрал момент, когда один из жалобщиков остался один, и догнал его, по-свойски хлопнув по плечу: — Почтенный брат, доброго тебе утра!

Тот обернулся. Цзи Линьси был ему знаком лишь по лицу — сокурсник из другого класса. Быстро прикинув, не должен ли он чего, и решив, что нет, парень спросил: — Что тебе надобно?

Любой другой на месте Линьси стал бы юлить и краснеть. Но Линьси лишь лучезарно улыбнулся: — Слышал я, почтенный брат, что тебе в тягость твои задания. Давай так: я их напишу за тебя, а ты мне — звонкую монету. Как тебе затея?

Ученик опешил. Он затравленно огляделся и увлёл юношу в тень: — Ты... ты это серьезно?

— Святая истина. Дашь мне свои старые работы и бумагу, а я подстроюсь под твой почерк. Писать буду не идеально — шестое сходство я обеспечу. Если наставник спросит, скажешь: «Запястье разболелось, вот кисть и дрогнула».

— И чтобы ты не боялся обмана — из рук в руки: работа против серебра. Как договоримся?

Все сомнения ученика развеялись, когда он понял, что даже проблему с почерком Линьси берет на себя. — И сколько... сколько ты возьмешь?

Линьси уже успел оценить добротность ткани на халате собеседника и прикинул его достаток. Он назвал цену — чуть выше средней. — ...Не многовато ли? — замялся тот.

— Ну, всё обсуждаемо, — Цзи Линьси тут же сменил тон на вкрадчивый. — Скажем, столько?

— И ни медяком меньше, почтенный брат. Мы оба знаем, что труды наставников — не сахар.

Сделка состоялась. Ученик втайне передал свои тетради и чистые листы. На следующее утро он, дрожа от волнения, листал готовую работу. — Почти один в один! И не отличить!

Он с радостью отсчитал деньги. Когда парень уже собирался уходить, Линьси придержал его за рукав с самым горестным выражением лица: — Послушай, брат... У меня дома матушка при смерти, отец — калека, еле ноги волочит. Я ведь не от хорошей жизни этим занят. Если знаешь кого, кому тоже невмоготу — шепни им обо мне. С тебя — только слово, а деньги поделим: восемь долей мне, две — тебе. Что скажешь?

Тот прикинув выгоду, согласился.

Линьси рассыпался в благодарностях, будто перед ним был его спаситель. Но стоило ученику скрыться, как Линьси отряхнул рукав и вновь стал серьезным. Он решил нажиться на лени сокурников, а заодно и использовать их бумагу для своих нужд.

«Эх, на свадебные дары принцу я так и не скопил, да ещё и его награду почти пустил по ветру... — юноша сокрушенно вздохнул. — Линьси, Линьси, плохо ты стараешься!»

Посетовав на свою леность, он бодро зашагал в класс.

***

Время пролетело незаметно. Приближались летние каникулы. За это время Линьси несколько раз сдавал промежуточные экзамены в академии и неизменно оказывался в числе лучших. Благодаря литературному подряду его кошелек перестал худеть, а в углу комнаты скопилась приличная стопка бумаги. Впрочем, как это всегда бывает, стоило появиться выгодному делу,

как у него тут же выросли конкуренты.

Однако Цзи Линьси это не заботило — он чувствовал, что пора выходить из игры.

Если наставники узнают о подделке работ, это не закроет путь к экзаменам, но позорной порки на виду у всех не избежать. А если Хуай Сююн прознает, что его любимый ученик не просто замешан, но и был зачинщиком... Линьси даже представлять не хотел, какой разнос его ждет. Куда страшнее порки была угроза конфискации заработанного серебра.

Он умел принимать решения быстро. Своим агентам он сообщил трагическую весть: матушка преставилась, а следом за ней от горя и отец-калека ушёл в мир иной. Мол, нет теперь у него иных помыслов, кроме как в трауре погрузиться в учение, и с заказами покончено. Помня о былом сотрудничестве, он посоветовал соученику тоже завязывать с этим делом, а сам с головой ушёл в книги, готовясь к провинциальному отбору.

Как и ожидалось, перед итоговыми испытаниями многие ученики наняли писарей. Но учителя — не слепцы: когда из сотни работ в половине почерк внезапно изменился, они почували неладное.

Началось суровое расследование. Всех виновных выставили на позор перед главой академии. Тех, кто зарабатывал на этом, не лишили денег, но заставили два месяца после уроков драить уборные и мести дворы. Академия наполнилась стенаниями.

Хуай Сююн, не найдя среди провинившихся Линьси, остался весьма доволен. Он даже вызвал его для приватной похвалы: — Молодец, Линьси! Почти две трети академии оказались втянуты в это грязное дело, но ты устоял перед соблазном лени и наживы. Не зря я в тебя верил.

Подлинный зачинщик всего этого беспорядка смиренно опустил голову. С видом величайшей добродетели он промолвил: — Учитель всегда наставлял меня не поддаваться чарам славы и богатства. Ваш ученик помнит каждое слово.

Пока Хуай Сююн расплывался в довольной улыбке, Линьси поднял глаза и, тщательно подбирая слова, произнес: — Учитель, в восьмой луне предстоят провинциальные экзамены. Мои запасы серебра на исходе. Мне нужно время, чтобы подзаработать на дорогу и расходы, поэтому днём я буду меньше времени уделять книгам.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Хуай Сююна. Он побагровел и ткнул пальцем в сторону ученика: — Безумец! Ты ставишь телегу впереди лошади! Экзамены на носу, ты должен день и ночь зубрить трактаты, а ты о деньгах думаешь! Неужели ты настолько нищ?

Линьси лишь кротко промолчал. Видя его состояние, Хуай Сююн притих, а затем глухо произнёс: — Сколько тебе не хватает? У нас с твоей матушкой-наставницей есть кое-какие сбережения. Если будет мало — займем у знакомых.

Хуай Сююн по себе знал, как дорого обходится путь к чинам. Простым семьям порой приходилось надрываться всем миром, чтобы выучить одного сына. Линьси же был один, и его желание заработать было понятно, хоть и несвоевременно. Наставник уже мысленно пересчитывал их скромную казну, решив во что бы то ни стало помочь ученику.

Но Линьси и не думал брать их деньги.

Если он примет этот дар, его долг перед четой Хуай станет равен долгу перед родителями. А на свете нет ноши тяжелее, чем родительская благодарность. Долг учителю ещё можно вернуть делами или золотом, но родительское самопожертвование — никогда.

К тому же юноша давно решил для себя: его путь — это путь хитроумного вельможи, и ему не пристало связывать себя крепкими узами с честным и прямодушным семейством Хуай. Если он добьется успеха и станет большим чиновником, он осыплет их золотом и серебром. Но если сейчас он позволит им вложить в него всё последнее, Хуай Сююн со своей честностью непременно станет помехой на его пути в столицу. Лишние узы — лишние хлопоты.

Да и что подумает прекрасный принц, если узнает, что его избранник — мелочный эгоист, обирающий стариков?

Линьси уже распланировал своё будущее, поэтому ложь соскользнула с его языка привычно и легко: — Учитель, не тревожьтесь. Ваш ученик нашёл достойное дело: всего за час-другой работы в день я получу приличный доход. Времени на подготовку к экзаменам у меня останется более чем достаточно.

Хуай Сююн не поверил ни единому слову. Он лишь холодно усмехнулся: — И где же это достойное дело? Скажи и мне, может, и я на старости лет подработаю.

Линьси замялся, не зная, что ответить.

— То-то же, — Хуай Сююн помрачнел.

В этот миг ему показалось, будто он впервые видит своего ученика по-настоящему. Прошедший огонь и воду чиновничьего мира, учитель был далеко не глуп. Он почувствовал фальшь, но поначалу побоялся признать это — ведь это значило бы, что он плохо думает о своём лучшем ученике. Линьси был ещё слишком молод: как ни старался он скрывать свои истинные помыслы, опытный глаз наставника уловил тень притворства в его словах.

Хуай Сююн молчал, ожидая, как ученик станет оправдываться дальше.